

Слухи о том, что эта девушка умерла, поразили меня. Мне тяжело было в это верить. Она была олицетворением женской красоты, сексуальной энергии, которая была из нее ключом, но при этом ее поведение никогда не было пошлым и развратным.

Она была русской Мэрилин Монро – такой же дерзкой, кокетливой и прекрасной.

Ее хотели все мужчины, и она хотела всех мужчин.

Слабо верилось, что это чудо, созданное божественным вдохновением, может вот так просто исчезнуть из нашего мира.

А она в последнее время, оказывается, сильно болела.

Никого не хотела видеть и сама никуда не ходила.

Ей в эти дни помогали близкие родственники. Она и завещала им никому не сообщать о своей смерти и даже не говорить, где похоронена.

Понимая, что нужно уважать последнее желание, я не стал допытываться ее родственников вопросами, что, где и как.

Очевидно, болезнь настолько изменила ее и внутренне, и внешне, что она решила остаться в памяти тех, кто ее знал, все той же красивой, стройной веселушкой, какой была раньше, до болезни.

Но я ее искренне обожал и поэтому все же решил как-то помянуть ее. Хотя бы поставить свечку за упокой в храме и там помолиться за ее грешную душу.

Надев все черное, я поехал в храм.

Попал на православный праздник.

Народу было битком, но раз приехал, значит, надо сделать то, что задумал, – помянуть усопшую, поставить свечку и прочитать молитву за упокой ее души.

В храме в основном были женщины, одетые в светлые, праздничные одежды. Я в своем черном костюме выглядел «черной вороной» среди них.

Кое-как пробился к ларьку. Купил свечку, самую дорогую и самую большую. И с большим трудом добрался до распятия. Перекрестился и протиснулся к заупокойному подсвечному столику.

Но он весь оказался заставлен горящими свечами.

И только с краешку оставалось одно свободное место под свечку. И то, видимо, из-за того, что свободное гнездо было под огромную свечу. И остальные, поменьше, просто выпадали оттуда.

Я это принял как знак правильности своих действий – и того, что пришел помянуть свою знакомую и что купил самую толстую свечку.

С радостью зажег свою поминальную свечу и под взглядами окружающих меня плотным кольцом прихожанок поставил ее на свободное место и стал молиться.

Прочитал «Отче наш».

Свеча никак не разгоралась. Тлела, но не горела.

Я начал читать поминальные молитвы.

Все свечи горят, а моя, дорогая и самая толстая, лишь тлеет.

Я решил это исправить и осторожно поковырял верхушку свечи, где был фитиль, ногтем указательного пальца.

Никакого результата. Оглянулся на соседей. За мной пристально наблюдали женщины.

Я решил больше не беспокоить свечу – все равно разгорится, куда она денется, и с невозмутимым видом продолжил читать молитвы.

Почитал минут десять.

Свеча не разгоралась.

Я забеспокоился. Решил, что делаю что-то не так.

Перестал читать молитвы. Стал просто просить Бога принять душу моей знакомой девушки и простить грехи ее, вольные и невольные.

Свеча не разгоралась.

Мне враз стало жарко.

Целый подсвечник полыхает поминальными свечами, а моя, огромная и дорогая, едва тлеет! У всех свечи горят, а у меня нет!

Я стал еще усерднее просить Господа о прощении своей знакомой и добавил к этим моим просьбам еще и просьбу помочь как-то в разжигании моей свечи. И даже стал эти мои просьбы нашептывать.

«Господи, – говорил я, – прости ее душу грешную, она не знала, что творила, не оставь ее в своем царстве загробном, прими ее во врата свои райские...» – и так далее в таком же духе.

Свеча как тлела, так и продолжала тлеть.

Я уже подустал.

Женщины, видя, как я мучаюсь, уже стали на меня поглядывать с усмешкой.

Пора бы мне уходить – я же исполнил долг перед своей подружкой, но уходить, оставив на подсвечнике так и не разгоревшуюся свечу, было неловко. Понимал, что этот мой уход был бы не совсем правильным и больше походил бы на бегство.

Пока я так философствовал, свеча стала совсем затухать.

Я еще раз ее поковырял – безрезультатно.

Еще раз по кругу загнусавил шепотом о смирении, прощении, грехах и покаянии, но свеча и не думала разгораться. Казалось, она вот-вот потухнет.

Посмотрел я еще раз на тлеющую свечу и подумал: и что я стою и все чего-то вру и придумываю про свою знакомую, а она была при жизни веселая, шальная девка! Любила мужиков, ночи напролет могла гулять, да так, что и чертям было тошно. И не успел я это додумать, как вдруг свеча вспыхнула и запылала сильным, ярким пламенем. Женщины, окружавшие подсвечник, шарахнулись в разные стороны.

А моя подавленность от поминального уныния сразу улетучилась. И я понял, что не этих слов о прощении и смирении ждала поминаемая душа моей знакомой, а чтобы вспоминал я ее как веселую и всегда желанную женщину.

Она хотела правдивой памяти о себе.

И чтобы мы, ее друзья, приятели и подруги, помнили ее именно такой.

И моя свеча это подтвердила.

«Да, – подумал я, уже выходя из храма, – очевидно, не так уж мрачен тот мир, куда мы уходим после смерти. И хорошие минуты нашей земной жизни даже там будут нам нужны и дороги!»